

НИКОЛАЙ ХОДОВ
ДЕНИС БУТОЧНИКОВ

РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК ЕЛЕНА ДАГОДНОВА

Постскриптум

Для Андрея этот сентябрьский день был необычен. Сегодня он не поехал в институт, а шёл в школу, где, будучи ещё студентом пятого курса, собирался работать учителем истории. Ему всегда очень хотелось работать в школе и ожидать окончания учёбы в институте он не стал. Тем более, после института его должны были призвать в армию, а это значит, что ещё как минимум год он не смог бы попробовать себя на этом поприще. Накануне состоялся телефонный разговор с директором, который с удовольствием пригласил его прийти и познакомиться.

Наступившая осень ещё совсем не ощущалась: на деревьях почти не было жёлтых листьев, дул по-летнему тёплый ветерок, а солнце припекало так, что было даже жарко. Пройдя дворами, Андрей вышел к школе со стороны спортзала и, скользнув взглядом по группе ребят, стоявших за углом, направился к парадному входу.

– Эй, закурить найдётся? – спросил кто-то из них, обращаясь к Андрею.

– Не курю, – спокойно ответил он. – Да и вам не советую.

– А чего так? – с ехидцей спросил тот же парень.

– Да ладно, оставь его, Фома! – вмешался кто-то. – Не видишь, человек здоровье бережёт!

Директором оказался пожилой, добродушный человек, невысокого роста, который очень тепло побеседовал с Андреем и с радостью принял его в школьный коллектив.

– Эх, нам бы молодых побольше! Энергичных, с энтузиазмом. А ещё лучше – мужчин. Да где ж таких взять-то? Вот и ты сейчас год отработаешь, потом в армию, а потом вернёшься ли? – спросил директор после того, как Андрей написал заявление о приёме на работу и они утрясли все формальности. – Работать совсем некому – учителей не хватает. Вон 9 «Б» без классного руководителя... А кто туда пойдёт – там один Фома чего стоит!

– Фома? – встрепнулся Андрей.

– Ну да. Фомичёв его фамилия, а все Фомой зовут. Неплохой парень, с головой, но всю школу баламутит, никому проходу не даёт.

– Давайте я у них буду классным руководителем, – предложил Андрей.

– Не, это ты подожди, – остановил его директор. – Тебе надо ещё институт окончить, опыта набраться. Успеешь ещё. У тебя этот год и так сложный, впереди экзамены, армия.

– А можно с ними как-то по-другому заниматься, какой-нибудь кружок организовать или ещё что-нибудь?

– Это, пожалуйста, я только рад буду!

...Сильный порыв ветра, подхватив охапку снега с соседнего валуна, швырнул её Андрею в лицо. Здесь, в горах, продувая вдоль склонов, ветер становился иногда

таким сильным, что не давал двигаться вперёд. Андрею приходилось, закрывая лицо руками и приседая, пережидать его, а затем снова идти в гору. Укутав лицо поглубже в воротник и поправив вещмешок, Андрей пошёл дальше, вновь вспоминая школьную жизнь...

...Первая встреча с Фомой на уроке произошла на следующий день после разговора с директором. Класс, зайдя в кабинет, привычно рассаживался по своим местам. После звонка, когда Андрей уже поздоровался и представился, дверь неожиданно широко распахнулась, и на пороге появился Фома с двумя товарищами. Он, не обращая ни на кого внимания, прошёл в класс и уже хотел сесть на своё место, как вдруг увидел Андрея. Моментаально узнав его, он остановился и застыл как вкопанный.

– Садись, – спокойно сказал Андрей.

В классе воцарилась полная тишина: все ждали, что будет дальше. А дальше произошло совершенно неожиданное для ребят. Закрыв и отложив в сторону учебник, Андрей несколько секунд помолчал и вдруг произнёс:

– А давайте организуем туркружок?

Идею с радостью поддержали и сразу же принялись обсуждать, как это будет выглядеть. Фома и его компания отнеслись к предложению с презрением и игнорировали организацию кружка. Туркружок быстро стал самым популярным в школе. В него стремились попасть ребята из других классов, и Андрей, как его руководитель, всегда находился в центре внимания. Он поневоле был в курсе всех школьных дел, принимал близко к сердцу проблемы ребят, отстаивал их интересы. Но при этом оставался строгим и требовательным к ним. Часто журил за полученную «двойку» больше, чем учителя и родители.

Однажды Андрей обратил внимание, что Фома ходит какой-то сам не свой. После уроков Андрей подошёл к нему и спросил:

– У тебя есть пара свободных минут? Переговорить надо.

Фома не стал, по своему обыкновению, ершиться, а молча кивнул и пошёл за Андреем.

– Что с тобой происходит? Ещё немного и в школе скучно станет. Почему тебя не слышно и не видно?

– А вам бы хотелось, чтобы моё имя гремело на всю школу?

– Да нет, но раньше было лучше.

– Скоро услышите! – сказал Фома и невесело улыбнулся.

– Ладно, давай рассказывай, что у тебя приключилось. Вместе придумаем что-нибудь.

Собравшись с духом, Фома рассказал, что у него куча прогулов по физике. Теперь надо либо сдавать всё пропущенное, либо получать двойку в четверти. А сдать всё по физике он не сможет, поскольку скоро каникулы и учить материал уже некогда.

– Ты знаешь, что тебе надо? – задумчиво произнёс Андрей после паузы. – Подойди сам к Софье Иосифовне и попроси пока тебя не аттестовывать, а на каникулах всё ей сдашь.

– Ага, так она мне и поверила!

– А почему нет? Ты разве не можешь отвечать за свои слова? В жизни всякое бывает. Каждый может оступиться, но надо уметь исправиться. До конца четверти это сделать тяжело, но до начала следующей можно. Ты дашь слово и сдержишь его. Я думаю, что ты тот человек, которому можно доверять, да и Софья Иосифовна наверняка такого же мнения.

Предложенное решение проблемы успокоило Фому. В этот же день он засел за физику, а на следующий имел серьёзный разговор с учительницей. Весь запущенный материал он сдал, и это значительно повысило его авторитет в глазах всей школы. Несколько раз друзья Фомичёва и он сам принимали участие в работе туркружка. Сначала особой активности они не проявляли, но постепенно увлечённость и интерес ребят сделали своё дело, и они настолько втянулись в общую работу, что об их роли школьных хулиганов все просто забыли...

...Неожиданно оступившись, Андрей по пояс провалился в глубокий снег. В небольшую ложбину надуло столько снега, что даже ноги не доставали до твёрдой земли и пришлось кое-как выбираться на четвереньках. Ветер крепчал, значительно усложняя путь, потому что сильный мороз, державшийся уже несколько дней, был не так страшен, как сырой, пронизывающий ветер, от которого не спасал даже тулуп...

...Андрей захлопнул журнал и уже хотел попрощаться с ребятами, как в дверях появился паренёк с красной повязкой дежурного.

– Андрей Иванович, вас директор просил после этого урока к нему зайти, – сказал он.

Андрей кивнул и под трель школьного звонка вышел из класса.

В кабинете директора сидела Савченко Даша из того класса, в котором Андрей только что провёл урок.

– Андрей Иванович, вы отпускали эту молодую особу с урока? – строго спросил директор.

Андрей взглянул в большие, полные слёз детские глаза и замялся, потому что прекрасно понял ситуацию, а врать он не привык.

– Так вы отпускали? – переспросил директор, к счастью, не заметив его замешательства.

– Да, она подошла ко мне до урока, и я отпустил, – твёрдо произнёс Андрей, хотя никуда Дашу не отпускал, и ещё раз посмотрел ей в глаза, в которых отразилось больше удивления, чем благодарности.

– Хорошо, вы оба свободны! – сказал директор и взял телефонную трубку, показывая, что разговор закончен.

– А почему тебя не было на уроке? – спросил Андрей у Даши, когда они вышли в коридор. Та низко опустила голову и после длинной паузы произнесла:

– Я ходила к маме... в больницу. К ней так просто не пускают: там приёмные часы строго определены. А когда возвращалась, столкнулась с директором... Спасибо вам, Андрей Иванович.

– А чего же ты не подошла и не отпросилась?

– А я думала, вы не отпустите. Вам же не положено без уважительной причины отпускать.

Эти слова «уважительная причина» надолго засели в памяти Андрея. Он часто думал, а что считать уважительной причиной? Позже Андрей имел неприятный разговор с директором по поводу того, что учитель не имеет права отпускать ребят с уроков, потому что несёт за них ответственность...

... Чем выше по склону поднимался Андрей, тем больше усиливался ветер. Глаза открыть было просто невозможно – ветер тут же вышибал из них слёзы, ресницы слипались, а дышать из-за сильного ветра было трудно. Уже сегодня с утра было ясно, что будет настоящая буря и понижение температуры.

Пятая площадка, размещённая в котловине между горами, была значительно удалена от воинской части. Дежурили на ней по три человека: старший смены – сержант и два рядовых. Менялись они через каждую неделю. Два раза в неделю на площадку приходил вездеход, который привозил продукты, письма и необходимое оборудование. Как раз сегодня вездеход привёз радостную новость: рядовой Александр Телелейко, который был на смене вместе с Андреем, стал отцом.

– Ну, теперь готовься, – сказал ему Андрей, – в понедельник сменимся и тебе наверняка отпуск дадут по такому случаю.

– Эх, хорошо бы! Домой охота, соскучился! – обрадовался тот.

Сразу после того, как ушёл вездеход, погода начала портиться – усиливался ветер и крепчал мороз. Кроны высоких сосен, росших на площадке, раскачивались, как сумасшедшие. Ближе к обеду ветер завывал уже вовсю, и Телелейко пошёл опустить телескоп антенной мачты, которую могло сломать шквальным ветром. Андрей и Сергей, второй солдат, прослуживший совсем немного, видели, как Телелейко начал опускать мачту. Вот тут и произошло непредвиденное: где-то в кроне сосны сломался приличных размеров сук и свалился на голову ничего неподозревавшему солдату, и они оба, почти одновременно, рухнули на снег. Андрей бросился к товарищу. Откинув сук, он наклонился над ним. Саша был без сознания, а из раны на голове текла кровь. Подхватив его, он потащил пострадавшего в дом. Замешкавшийся вначале Сергей опомнился и кинулся помогать ему.

– Я сам справлюсь! – тяжело дыша, прохрипел Андрей. – Ты мачту опусти! – приказал он, глядя как она неистово гнётся под порывами ветра.

Сергей неуверенно засуетился вокруг антенны, уворачиваясь от ослабленных оттяжек, которые раскачивались от ветра. Новый порыв со страшной силой обрушился на площадку. Не выдержав его, мачта согнулась и, сломавшись, упала вместе с антенной. Сергей так и не успел ничего сделать.

Втащив Телелейко в дом, Андрей перевязал раненого. Тот всё ещё лежал без сознания, совершенно бледный, а через бинт на его голове проступало маленькое пятнышко крови. Андрей сидел рядом с ним и молчал. Он обдумывал, что делать в сложившейся ситуации. Антенная мачта сломана, и связаться с частью по радиации нельзя. Заниматься её восстановлением при штормовом ветре невозможно. Идти за помощью пешком нереально: до ближайшего жилья, откуда можно связаться с частью или врачами, десятки километров. А Саша чувствовал себя плохо. Ему срочно нужен был врач. Иногда Андрей, с тревогой нащупывая пульс друга, думал, что уже поздно.

– Может утром придёт вездеход? – неуверенно спросил Сергей, сидящий рядом.

– Вездеход должен прийти только послезавтра, – ответил Андрей. – Но, даже если мы не выйдем на связь и они начнут беспокоиться, он придёт не раньше обеда, а то и к вечеру... Мы не можем терять время.

– А что же делать?

– Надо как-то связаться с частью прямо сейчас.

– Как?

– Ты останешься с Сашей, будешь продолжать нести боевое дежурство и присмотришь за раненым. А я попробую подняться на вершину и оттуда просигналить SOS на военный аэродром. Через горы туда не пройти, но по прямой, с горы они должны увидеть наш сигнал.

– Как же они увидят с такого расстояния? – удивился Сергей.

– Увидят. У них наблюдатели, часовые, дежурная смена, они постоянно следят за небом. Я попробую привлечь внимание сигнальными ракетами, а затем передать SOS аккумуляторным фонарём.

Они помолчали.

– А как ты доберёшься туда? – Нарушил молчание Сергей. – До вершины горы несколько километров. На улице мороз, сильный ветер, все тропинки замело... Ты просто замёрзнешь по дороге, сорвёшься в пропасть или потеряешься.

– Кто-то должен идти и вызвать помощь. Ты останешься здесь, а я пойду. Я лучше знаю горы, у меня больше опыта.

Андрей решительно встал и начал собираться в дорогу. Время терять было нельзя – Саша был слишком плох. Андрей взял с собой сигнальные ракеты и

фонарь. Постарался одеть как можно больше тёплых нательных вещей. Часть дороги он намеривался пройти в тулупе, но для подъёма на гору нужна была подвижность, а это значит, что тулуп придётся снять, а в одном бушлате на таком ветру холодно. Больше всего Андрей боялся замёрзнуть и не дойти. На таком морозе при шквальном, холодном ветре сделать то, что он задумал, было очень сложно, почти нереально. Но другого выхода не было. Телелейко нужна медицинская помощь, и времени осталось мало.

Андрей собрался, сделал запись в журнале, где изложил всё происшедшее и принятое им решение, и, попрощавшись с Сергеем, вышел. Ветер сильно ударил в лицо. Его порывы мешали идти и не давали дышать. Мороз усиливался, постепенно начинало темнеть. В горах вообще темнеет быстро.

Дойдя до края котловины, он начал подниматься в горы. Его надежды, что в горах ветер будет слабее, не оправдались. По глубокому снегу идти было трудно, а наступившие ранние сумерки не позволяли чётко ориентироваться. Андрей подошёл к месту, откуда начинался крутой подъём на вершину, когда уже совсем стемнело. Здесь и днём-то в спокойную погоду подняться было очень трудно. Андрей скинул тулуп, и его сразу обдало холодом. Было такое ощущение, что он остался совсем без одежды: на таком ветру тёплый армейский бушлат продувался насквозь. Андрей остановился в нерешительности, но не от холода, а от внезапного вопроса: что делать с тулупом? Первым порывом было свернуть его и запихнуть в щель между камнями, чтобы воспользоваться им на обратном пути. Но Андрей вспомнил, что обратного пути не будет. Он знал об этом с самого начала, потому что прекрасно представлял себе, что вернуться у него нет никаких шансов: даже если он не замёрзнет по пути наверх или на самой вершине, то он не сможет спуститься вниз по обледеневшему склону.

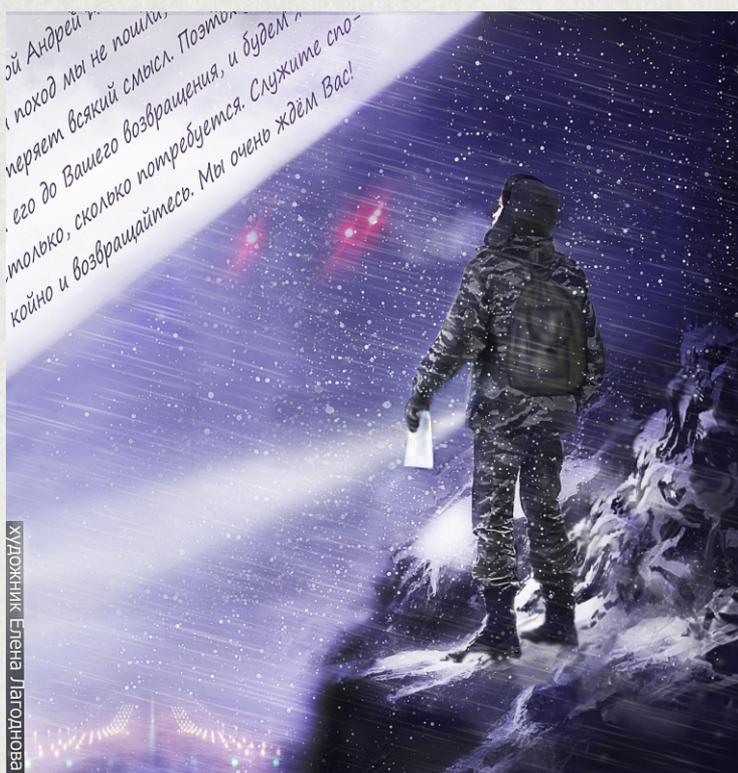
Андрей начал подъём. Он тщательно ощупывал каждый выступ, прежде чем зацепиться за него. Он боялся замёрзнуть или сорваться вниз, не выполнив задуманное, но не боялся разменять свою жизнь на жизнь Телелейко. По его мнению, спасти Сашу было гораздо важнее. Того дома ждала семья, жена, родившийся ребёнок. А Андрея никто не ждал. С детства он воспитывался в детдоме, а потом жил в студенческом общежитии. На всём свете не было ни единого человека, которому он был бы нужен. Правда, были друзья, директор школы, который ждал его возвращения на работу, но это было всё не то. Поэтому своё решение Андрей принял с чистой совестью и не колеблясь.

Андрей замерзал, но продолжал взбираться всё выше и выше. Несколько раз он впадал в забытие, но, к счастью, вовремя приходил в себя. Андрей не давал себе отдыхать. Он знал, что если остановится и закроет глаза, то уснёт и уже не проснётся никогда: именно так все и замерзают.

На вершине ветер набросился на Андрея с удесятерённой силой и просто сбивал с ног. Он лёг ничком в снег, стянул с плеча вещмешок и перевернулся на

спину. Нащупав ракету, Андрей вытащил её из вещмешка и, отвинтив защитный колпачок, дернул за шнур. Раздался хлопок, и ракета с шипением ушла вверх. Через несколько минут он запустил вторую трехзвездную ракету. С вершины хорошо были видны огни военного аэродрома. Он находился совсем недалеко, но его от Андрея отделяли горы и пропасть, и по прямой до него дойти было нельзя.

Перевернувшись на живот, Андрей следил за аэродромом и вдруг увидел ответную ракету. Чтобы убедиться в этом, он запустил ещё одну красную ракету. С аэродрома ему ответили тем же. Сомнений быть не могло: его заметили. Андрей включил фонарь и начал сигналить «SOS. Площадка номер пять». Через минуту ему просигналили ответ: «Вас поняли. SOS площадка номер пять». Всё, задание было выполнено. Андрей уронил голову и замер. Его фонарь перестал мигать и неподвижно светил в темноту.

Андрей замерзал. Он знал, что это конец, но уже ничего не мог с собой сделать. Последние его мысли были о школе, и тут он вспомнил про письмо, полученное днём и так и не прочитанное им. Андрей нащупал его в кармане и, достав, вскрыл конверт. В конверте оказалось письмо от его учеников. Андрей прочитал его в свете фонаря. В конце письма стоял P.S.:

«Дорогой Андрей Иванович! А в предложенный Вами поход мы не пошли, потому что без Вас он теряет всякий смысл. Поэтому мы отложили его до Вашего возвращения и будем ждать столько, сколько потребуется. Служите спокойно и возвращайтесь. Мы очень ждём Вас!»

Только сейчас Андрей понял, как он был не прав, когда думал, что никому не нужен. Желание жить для кого-то и непоколебимая уверенность в том, что ты нужен и тебя ждут, оказались сильнее смерти, бури и других превратностей судьбы. Бережно сложив письмо, он начал долгий спуск вниз. Теперь у него была только одна мысль: как хорошо, что он оставил тулуп на видном месте.